

Юрий Никитин

Десант центурионов

*Часть сборника
Далекий светлый терем
(сборник)*

Юрий НИКИТИН
Десант центурионов

«ЭКСМО»

1998

Никитин Ю. А.

Десант центурионов / Ю. А. Никитин — «Эксмо», 1998

«Мы помалкивали о готовящемся эксперименте. Дело не в скромности – Кременев, руководитель лаборатории, панически боялся наплыва комиссий. Очередная чистка общества от бездельников только начиналась, многие умело имитировали напряженный труд, проверяя, перепроверяя, уточняя, согласовывая, увязывая, запрещая, отодвигая решение и т. д. Допустить в лабораторию таких имитаторов – это отложить эксперимент еще бог знает на сколько лет...»

© Никитин Ю. А., 1998

© Эксмо, 1998

Юрий Никитин

Десант центурионов

Мы помалкивали о готовящемся эксперименте. Дело не в скромности – Кременев, руководитель лаборатории, панически боялся наплыва комиссий. Очередная чистка общества от бездельников только начиналась, многие умело имитировали напряженный труд, проверяя, перепроверяя, уточняя, согласовывая, увязывая, запрещая, отодвигая решение и т. д. Допустить в лабораторию таких имитаторов – это отложить эксперимент еще бог знает на сколько лет.

А вообще-то Кременев был не робкого десятка. Крупный, широкоплечий, с длинными мускулистыми руками, он походил на благородного пирата, авантюриста-землепроходца или капитана галактического звездолета, какими их рисуют художники. Лицо волевое, мужественное. В синих как небо глазах горит отвага. Они чаще всего смеются, но могут мгновенно становиться холодными, как лед. О его физической силе рассказывают легенды. Он поднимает сдвоенный модуль, который трое подсобников еле сдвигают с места, во время отпуска покоряет высочайшие горы, плавает с аквалангом ниже допустимых глубин, и, говорят, дрался с акулой, вооруженный одним ножом.

Но он наделен особой отвагой, которая позволила ему наперекор авторитетам взяться за абстрактнейшую идею параллельных миров. Он мог на этой скользкой теме загубить свою блестяще начатую карьеру: кандидатская степень – за дипломную работу, докторская – в двадцать пять, научные работы переведены на многие языки... Но Кременев пошел к цели, как таран. Он не знал сомнений в выборе пути, не знал терзаний, не отвлекался на театры, выставки, в результате чего в свои сорок лет создал первую в мире лабораторию по изучению параллельных миров. А мы, обремененные гуманитарным наследием, стали его подчиненными.

– Опять парфюмерную фабрику строят! – орал он время от времени возмущенно. – Кому это нужно? Ка-а-акие деньги гробят на духи!.. А если взять по стране? По всему миру? Совсем с ума посходили!.. Нам бы на лабораторию хоть десятую часть, уже с Марса плевали бы на выжившую из ума планету по имени Земля! Эх, была бы моя воля!..

К счастью, его воля была только в пределах лаборатории. Да и то с девяти до пяти. В остальное время мы читали, ходили в театры, балдели у телевизоров. Кременев же мог прожить без философии, он просто не заметил бы исчезновения театров, литературы. Что делать, у нас стремительно нарастает обожествление науки и техники, все чаще свысока поплевывают на гуманитариев и вообще на культуру. В обиход вошли слова: «контркультура», «антикультура», «контркультуртрегерство», но мы все, за исключением Кременева, снисходительно посмеивались. Увлечение НТР – временное, чем только человечество ни увлекалось, в какие крайности ни впадало, какие панацеи ни искало! А культура – это вечное, медленно и настойчиво улучшающее все человечество по важнейшим показателям.

Но все же мы живем в мире, где преимущество за технофилами. Потому Кременев громгласно распоряжался, а мы метались по залу, выполняя его указания.

- Все готовы? – рявкнул Кременев.
- Первый блок готов!
- Второй блок!
- Третий!

Когда отрапортовал девятый, последний, Кременев опустил за пульт. До момента, когда энергостанции города отдадут нам энергию, оставалось пять минут. Крайне важно, чтобы энергию дали все энергостанции. Если ее окажется хотя бы на треть меньше, мы не просто потерпим неудачу с проколом Барьера между мирами. Энергия, не в силах проломить барьер,

мгновенно высвободится здесь. Будет небольшой вакуумный взрыв. В образовавшейся воронке поместятся пять таких зданий, как наш институт.

Все мы мечтали о хотя бы крохотной приемной камере на «той стороне». Перемещение было бы безопасным, а энергии требовалось бы в десятки раз меньше. Теперь же я нервничал, боялся шевельнуться, чтобы не повредить хрупкую аппаратуру. Все в первый раз!

Для гостей платформа, на которой я находился, была всей установкой, но мы помнили о трех подземных этажах, начиненных сложнейшей аппаратурой, которую своими руками собрали и установили за пять долгих лет. Для Кременева это были мучительнейшие годы, он говорил с горечью:

– Руки опускаются с рохлями. Зачем только живут? Тратят драгоценнейшее время на рыбалку, баб, хоккей по телевизору. Уйти бы в оборонную промышленность. И средств больше, и сотрудники не спорят со старшими по званию.

С его точки зрения работники из нас были хуже некуда. У нас в библиотеках стояли наряду с работами Винера, Колмогорова, Терещенко – томики Достоевского, Толстого, Сартра. Нередко на более почетном месте. Кременев же не признавал иных богов, кроме богов физики, а уж хобби – если это можно назвать хобби, – у него оставалась только любовь к маршам и духовым оркестрам. Ему вообще нравилась армия.

– Порядка нам недостает, – говорил он часто. – Был бы порядок, давно бы с Марса на Землю плевали.

Достижения в космосе, по Кременеву, символизировали прогресс. Не только в технике, а вообще. За успехи в космосе Кременев простил бы бог знает какие грехи и упущения. В минуты раздражения он говорил нередко:

– Знаете, зачем я стремлюсь проломиться к параллельникам? У них там, наверное, больше порядка!.. Почему так уверен? А хуже, чем у нас, не бывает!.. Вот и хочу ткнуть наших носом, показать, как надо жить!

И вот теперь я замер на платформе, нервно косясь на часы. Мэнэс, тридцать два года, русский, снова холост, сравнительно здоров. Владею английским и латинским. Последним – как хобби. Физик без хобби – не человек, а я физик, хотя не такой гениальный, как Кременев, не такой технофил, как Кременев, не такой здоровяк, как Кременев... но шефу идти на эксперимент нельзя, ибо кто лучше его обеспечит запуск?

Кременев тоже косится на секундную стрелку, говорит чуть быстрее, чем обычно:

– Перенос туда и обратно займет долю секунды. Но с допуском на ваши черепашки реакции кладем несколько секунд. Но не больше минуты, согласны? А энергию нам дают на пять минут. С многократным запасом.

Попав в параллельный мир, я в считанные секунды должен запечатлеть картину в памяти, ибо фото – и кинокамеры Барьер не пройдут. Как и одежда. Отправляюсь в комбинезоне, вернусь в чем мать родила. Хотя бы Стелла не присутствовала, у меня ноги кривые, как у обезьяны, а уж волосатые...

– Вполне вероятно, – слышал я голос Кременева, – что попадете в объятия коллег, которые тоже совершили или совершат такой же запуск. Там тоже свой Кременев и его ассистенты, которым хоть кол на голове теши, хоть орехи коли. Эх!

Возле Кременева в позе готовности застыл Лютиков с раскрытым купальным халатом в обеих руках. Едва я появлюсь в зале, набросит мне на плечи. Так задумано, но если Стелла все-таки придет, то Лютиков наверняка замешкается, уронит, а то и вовсе сделает вид, что отвлекся в момент моего появления!

– Даю отсчет, – предупредил дежурный. – Шестьдесят секунд, пятьдесят девять, пятьдесят восемь.

На четвертой секунде дали энергию. Я едва не нажал кнопку, так прожужжали уши про необходимость уложиться в отведенное время. Еще три долгих секунды я ждал, наконец при счете «ноль» мой палец дернулся вниз.

Я увидел искаженные фигуры застывших сотрудников, растянутые наискось лица, и тут же мною словно выстрелили из ракетной пушки. Я застыл от ужаса, чувствуя впереди невидимые скалы.

Под ногами оказалась неровная почва, и я обессиленно опустился на четвереньки. В легкие ворвался прохладный сырой воздух, наполненный запахами прелых листьев. Вывод первый: перенос возможен. Перспектива блестящая!

Я находился в дремучем лесу. На мне все тот же комбинезон, кроссовки. Открытие второе: перенос возможен не только живых объектов. Перспектива вовсе ошеломляющая. Вот теперь бы кинокамеру!

Я стоял неподвижно, только вертел головой, стараясь запомнить как можно больше. Почва влажная, лес исполинский. Деревья приземистые, с раскинутыми во все стороны узловатыми ветвями. Часто ветки свисают так низко, что ни конному, ни пешему: множество валежин. Одни гниют под зеленым мхом, другие висят крест-накрест на соседних деревьях, дожидаются ветерка или любого толчка.

Но где же туземный Кременев, где зал с аппаратурой, где второй Лютиков, роняющий халат? Или меня снесло метров на пятьсот к югу в крупнейший Измайловский парк?

Между деревьями белело. Я осторожно шагнул вперед, надеясь, что это просматривается здание института. Под ногами чавкнуло, с сочным хрустом разломился толстый стебель. Пружинит, опавших листьев накоплено несколько слоев, воздух чересчур влажный, буквально мокрый. Поблизости болото, либо здесь вообще такие места, словно лес упрямо двигается за отступающим ледником, но еще не успел осушить новые земли мощнейшей корневой системой.

Это был не институт. На поляне раскорячилось невероятно толстое дерево с ободранной корой. По спине пробежали мурашки. Где я? И откуда мысли о доисторическом лесе, недавно отступившем леднике?

Сердце мое стучало часто-часто. Часы с меня снял предусмотрительный Лютиков: «Чтобы не пропали!» У меня чувство времени хромает, но я пробыл здесь уже больше минуты! Даже свыше пяти.

Когда прошло еще минут десять, я был так потрясен и напуган, что опустился на землю. Ноги дрожали. Я жил в безопаснейшем мире, даже к эксперименту отнесся без страха, ибо все выверено, и что, вообще, может случиться в нашем мире, где войны нет, преступность почти ликвидирована – во всяком случае, я за всю жизнь не видел ни одного вора, они для меня только персоналии детективов, – где бесплатная медпомощь, где милиционер на каждом углу?

Я – дитя асфальта, дачи нет, заводить ее не стремлюсь. Я люблю с книжкой завалиться на диван, за город с ночевкой даже в студенческие годы ездил без охоты. Лес – что-то пугающее, реликтовое, дочеловеческое. Даже в армии меня учили защищаться в условиях города, учили сражаться с людьми, а не с дикими животными. Я понятия не имею, что делать, какие грибы и ягоды можно есть, как вообще выжить в такой дикости!

Прошло не меньше часа, прежде чем я поднялся. Мох на северной стороне ствола, как зачем-то учили в школе, муравейник более пологий с юга. А что толку? Все равно не знаю, есть ли здесь люди. А если есть, то где они?

Ноги понесли меня по распадку вниз. Через полчаса я наткнулся, как и рассчитывал, на ручеек, что прятался в густой траве. Еще через некоторое время ручеек влился в более крупный, еще чуть погодя слился еще с одним, и я воспрянул духом. Люди всегда селятся возле воды.

Стало смеркаться, когда мои ноздри уловили запах костра. Я ускорил шаг, хотя ноги уже гудели, как телеграфные столбы.

Деревья внезапно расступились. На берегу речушки, в которую впадал мой ручеек, стояло несколько приземистых домиков. На самом высоком месте над рекой высился огромный деревянный столб. Даже с этого расстояния я рассмотрел на вершине грубо вырезанное оскаленное лицо. У подножья темнел огромный камень с плоской верхушкой.

Я шаг не замедлил, хотя ноги одеревенели. Сердце превратилось в комок льда. Крохотнейшая деревушка, такие не меняются тысячи лет. Но высокое место с языческим идиолом и камнем для жертвоприношений – это же капище! Идол смахивает на Велеса, скотьего бога. Древнейший бог из глубины веков, из каменного века, где покровительствовал охотникам.

Я шатался не столько от усталости, сколько от горя. Почему такой зигзаг времени? Я должен был попасть из третьего июня девяносто девятого года в третье июня девяносто девятого года! А попал на тысячи лет в прошлое.

В деревушке меня заметили. Я убавил шаг, руки поднял над головой. Древние славяне иной раз приносили чужеземцев в жертву, чтобы не «тратить» своих, но, надеюсь, сейчас не праздник, не подготовка к походу, когда боги требуют человеческих жертв. В будни славянские боги довольствуются цветной ленточкой, орехами, цветами.

Навстречу мне перешел речушку вброд крепкий, широкоплечий мужик. Он был в белой полотняной рубашке, белых портках и лаптях. Типично для прошлого века, однако на спине поверх рубашки наброшена мехом наружу шкура огромного матерого волка. Толстые лапы переброшены через плечи и скреплены на груди резной заколкой из кости. У мужика отважное лицо, смелый открытый взгляд, а на поясе висит короткий меч-акинак.

Мы постояли, изучая друг друга. Мужик смотрел с интересом, без страха и угрозы.

– Слава Велесу, – сказал он первым. – Ты человек или чудо лесное?

– Слава Велесу, – ответил я с облегчением. – Я человек. Только из других земель.

Я осекся. Жители многих деревень в прошлые века часто не подозревали, что помимо их мирка существуют еще и другие.

Мужик удовлетворенно кивнул:

– Вот оно что. Я так и подумал. А то не разберу: ромей не ромей, эллин – не эллин, сарацин – не сарацин. Говоришь по-нашему, но чудно.

– Ты прав, – сказал я, ощущая, как спадает страшное напряжение. – Если ты слышал про те страны, то понимаешь, что могут быть и вовсе неведомые пока земли.

– Это чудно, – удивился мужик. – Ладно, меня зовут Тверд. Освяти своим посещением мой дом, чужестранец! Гость в дом – бог в дом.

– Меня зовут Юрай, – ответил я. – С удовольствием отдохну в твоём доме. Боги отметили тебя храбростью, ты много видел, много знаешь.

Тверд довольно хмыкнул, попавшись на простую лесть, и мы пошли через реку. Выбравшись на берег, Тверд шуганул ребятню, что тут же окружила нас плотным кольцом. Повсюду я видел вытарщенные глаза, раскрытые рты. Все как в старой России, но что-то не заметно хотя бы сохи, бороны, не видно грабель, стожков сена. Крыши крыты гонтой, деревянными пластинками. Занимаются только охотой? Земледелия даже не знают?

Мы вошли в дом Тверда. Я без стеснения таращился во все глаза. Чужеземцу можно. До петровской эпохи резкого противопоставления русских и иностранцев еще далеко, гостеприимство русичей не омрачено, и среди них охотно селились, растворялись без остатка берендеи, торки, черные клобуки, а позднее так же растворились меря, весь, чудь.

– Гость в дом, бог в дом, – повторил Тверд, подведя меня к огромной печи, занимавшей половину комнаты. – Теперь это твой дом, странник. А мы с семьей – твои гости.

Комната была чистой, просторной. На печи сушилось зерно, снизу виднелось множество больших и малых заслонок. Пахло мятой, от печи шел аромат свежесваренного борща. Посреди комнаты раскорячился грубо сколоченный стол, по обе стороны на крепких ножках стояли широкие дубовые лавки.

– Доброотно живешь, – заметил я, опускаясь на лавку. – Боги любят тебя.

Тверд ухмыльнулся:

– Бог-то бог, но сам не будь плох.

– Как это?

– Слабым да неумелым, – объяснил он, – никакие боги помогать не станут. Такие люди – оскорбление для богов.

Он открыл одну из заслонок, и комната сразу наполнилась запахом горячей гречневой каши. Умело вытащив ухватом темный горшок, Тверд бухнул его на середину стола. Пока он, отвернувшись к посуднику, гремел ложками, я рассматривал чугунок, так в моем детстве называла бабушка горшок из чугуна. Грубо отлитый, но все-таки уже металл.

Я быстро обежал взглядом всю комнату. Все, кроме печи, деревянное. Пожелтевшие от времени, почти янтарные стены, белые лавки и пол – дряют к каждому празднику. У дверей от печи до стены идут деревянные полаты. Затейливой резьбой покрыт мощный воронец: самый мощный брус, на нем держится полатный настил. Все, как и должно быть у древних славян, но мои настороженные чувства улавливали что-то и очень современное. Гордый взгляд Тверда, раскованность речи, абсолютная безбоязненность чужаков, а ведь рядом должны быть печенеги, половцы, хазары.

Тверд сам положил мне каши в миску, и я вздохнул с облегчением. Из одной посуды было бы естественно, но для человека моего мира чересчур уж противоестественно.

Себе Тверд положил едва ли больше двух ложек. Объяснил:

– Ел недавно. А охотки еще не нагулял.

– Спасибо, – поблагодарил я. – Вкусно. Жена готовила?

– Большуха, – объяснил он. Не уверенный, что пойму, добавил: – Старшая из дочерей. У меня три девки, а сына боги не дают.

– Боги сыновей посылают тем, кто в них нуждается, – утешил я. – Глядя на тебя, кто скажет, что в этом доме трудно без мужчины?

Он некоторое время смотрел молча, потом хмыкнул:

– Ишь... А ведь верно. Вон у Хвоста пятеро, все парнишки. Сам же плюгавенький, разиня, страхополох.

– Вот боги и посылают туда мальчиков, – объяснил я, заботясь больше о расположении могучего мужика, который все больше нравился, чем о точности генной теории. – Должны же они как-то возмещать ущерб?

– Спасибо на добром слове.

– Не за что.

Доедали кашу в молчании. Временами мне казалось, что я вовсе не переносился в параллельный мир, да еще так далеко во времени. Не вернулся ли в родную деревню, где сижу с двоюродным дядей, братом. Отдыхаю, вытянув натруженные ноги?

Стараясь удержаться в реальности, я снова пошарил взглядом по комнате. Холодок прополз по спине, на руках приподнялись волосы. Нет, я в далеком-далеком прошлом.

И тут глаза зацепились за острогу, что стояла за дверью. Обыкновенная острога, такой били крупную рыбу еще в каменном веке. Но здесь наконецник блестит металлом, главное же, тупой конец заправлен в плотный резиновый тяж с веревку толщиной. И еще странная труба с рукоятью, очень похожей на рукоять пистолета. Но откуда у древних славян мощные гарпунные ружья?

Проснулся я в скрюченной позе. Все тело болело. Спать на деревянной лавке сродни пытке, а лезть на печь я отказался: гость не должен садиться хозяину на голову, иначе обычай гостеприимства долго не продержится. Правда, теперь жалел, что не уступил Тверду. Хозяин под стать своему имени – весь как из старого отполированного дерева, если не камня. Крупный мужик, ни капли жира. Когда он раздевался на ночь, я завистливо вздохнул и украдкой потрогал жирную складку на своем животе.

Под окном кричали петухи. Значит, охота охотой, а домашняя живность все же имеется?

В доме было пусто. Я вышел во двор умыться. Солнце стояло над лесом. В деревне безлюдно, только детвора с воплями носится туда-сюда. Мальчишки постарше сидели над водой с удочками, от леса прошли две женщины с огромными охапками хвороста за спинами.

Тверд вернулся, принес на плечах дикую козу с двумя стрелами в боку. Пока он раздевал добычу, я развел во дворе костер и настрогал из палочек шампуров.

– Ты чужеземец из неведомых мне племен, – сказал Тверд раздумчиво, – но ты не враг. Я бывал в разных походах, врагов чую. Но хоть из неизвестных мне племен, но нашего рода, чую тоже. Эх, сюда бы волхва! Тот бы враз разобрался!

– Волхв нужнее всего, – подтвердил я. – Дело в том, что я сам волхв в некотором роде. Правда, у нас это называется иначе, но у себя мы делаем то же самое, что у вас делают волхвы.

– Жрец? – спросил Тверд с интересом. – Брамин?

– У нас эти люди называются общим словом: ученые, – сказал я осторожно.

– Гм. Ладно, как бы ни называлось, но тебе надо добраться до князя или хотя бы до княжеского тиуна. Он два раза в год объезжает эти края, собирает полюдые.

– Мне надо раньше! – воскликнул я в испуге.

Тверд некоторое время размышлял.

– Добро, – сказал он. – Я отведу тебя к тиуну. Закисаю я в этой деревне! Ничего здесь не случается. А так хоть городище увижу.

После завтрака Тверд снова набросил на плечи волчью шкуру. В этом был свой шик, спесь особого рода. Его руки были свободными, но спину укрывал маленький щит, из-за плеча высовывались короткий лук и колчан со стрелами. На широком поясе висел меч-акинак.

Не задерживаясь, мы тронулись в путь. Тверд выглядел красивым и мужественным, шагал легко, зорко посматривал по сторонам. Я еле поспевал, хотя на мне ничего, кроме комбинезона и кроссовок. Но я не воин, выросший в походах, я волхв другого племени, где другие нравы, другие обычаи и где вовсе нет лесов.

Мы были довольно далеко от села, когда раздался лихой свист. Тверд тут же бросился к толстеному дереву, мгновенно оказался спиной к стволу, прикрыв живот щитом и выставив перед собой острие меча.

Из чащи вынырнули двое угрюмых молодцов. Я растерянно оглянулся, но и там, отрезая путь к отступлению, встали двое мужиков, держа в руках боевые топоры с оттянутыми в стороны лезвиями.

– Кидай оружие, – скомандовал первый, самый здоровенный из четверки. – Я Громобой, понятно?

Тверд метнул взгляд на меня, но меча не выпустил, только еще сильнее согнулся, укрываясь щитом.

– Юрай, – сказал он коротко, – это людоловы. Иди в полон, тогда уцелеешь. Продадут в рабство, а там все в руках богов. Могут и не принести в жертву.

– А ты? – спросил я.

– Не для того я уцелел под Царьградом, Карфагеном, при Гавгамелах, чтобы меня вязала эта мразь!

Громобой, выслушав наши переговоры, засмеялся, указал на нас тем двум, что стояли сзади. Разбойники, откровенно посмеиваясь, пошли вперед. Я был безоружен, растерян, и они, сунув мечи в ножны, достали веревки.

Я стоял, ожидая, когда их руки ко мне прикоснутся. Только за мою короткую жизнь события нападения и защиты совершенствовались много раз. Сперва от пленного требовали поднять руки, этого было достаточно. Потом на горьком опыте научились поворачивать их спиной, через десяток лет пришла новая команда: «Руки на голову!», а еще через некоторое время стали в той же позе сажать на корточки. Но и тогда оставался шанс извернуться и напасть на охранника.

Я считал всегда, что мои самые отвратительные годы прошли в армии. Я ненавидел муштру, изматывающие тренировки, всякий раз боялся прыгать с парашютом в ночь. Прошло полста лет после войны, все говорят о мире, мне никогда не приходилось никого бить в лицо, я всю жизнь буду физиком-теоретиком.

Я истошно завизжал, прием первый – ошеломление, мои руки ударили как бы помимо моей воли. Оба упали как подрубленные, а я, выхватив у первого меч, с силой ударил его плашмя по голове. На втором разбойнике меч соскользнул с кудрявой головы и вонзился в плечо. Мое сердце болезненно сжалось, я выпустил рукоять и поспешно отошел в сторону.

Тверд только-только сам сделал первый шаг навстречу Громобойю. Второй разбойник широко раскрыл рот, видя своих товарищей неподвижными на траве. Потом он с воплем, не слушая жоака, бросился на меня, поднимая меч.

Фехтовать я не умел. Мне показывали в армии только основные приемы с винтовкой, саперной лопатой, так что меч мне помог бы мало. Я шагнул вперед, пропустил удар мечом справа, мои руки сами схватили противника, тело само изогнулось, и этот здоровый парень упал на траву с неестественно вывернутой шеей.

Я подобрал меч, тяжело побрел через поляну к сражающимся Тверду и Громобойю. Мое сердце бешено колотилось, я дышал надсадно. Я не дрался даже в детстве, физических нагрузок избегал, и сейчас сердце выпрыгивало из груди.

Тверд и Громобой едва успели обменяться двумя ударами. Оба двигались невыносимо медленно, замысел каждого был виден за версту. Оба дрались так, как дерутся актеры в кино, один спортсмен-фехтовальщик мог бы драться против сотни таких бойцов.

Тверд бросил мне весело:

– Ты великий боец, Юрай!.. Сейчас сомну эту гадину к праотцам, вымоем руки.

За время этой речи Громобой мог бы срубить его десять раз, но только сопел и бросал угрюмые взгляды на меня. Вид у него был обреченный, но он держался так, как должен держаться мужчина этого мира.

– Прекращайте, – сказал я с отвращением. – Прекращайте эту нелепость.

– Сейчас, – ответил Тверд.

Он ринулся вперед, как бык. Страшно загремело железо. С минуту они стояли, упершись щитами, старались столкнуть противника с места, потом разом отступили, и снова застучали мечи. Оба кричали при каждом ударе, широко размахивались, двигались тяжело, основательно.

Я старался не оглядываться на троих. Я никого не убил, они только притворялись мертвыми, но я все равно твердил себе, что там лежат куклы, макеты. Пусть инструктора сто раз вколачивали в мою голову, что убивать и совершать убийства – это не одно и то же, но родители с детства учили, что зверя из себя нельзя выпускать даже для самозащиты, что лучше быть жертвой, чем палачом, что зверя нужно загонять вглубь, пока через уйму лет и поколений не истончится совсем, не растворится без остатка.

– Бросайте оружие, – обратился я к Громобойю. – С двумя вам не справиться.

Внезапно он ринулся с поднятым мечом на меня. Я едва успел отскочить в сторону. Громобой запнулся, рухнул лицом в траву. Тут же он с проклятиями вскочил, глаза его были

налиты кровью, он сделал быстрый шаг ко мне... и осел на колени. В левом плече торчала стрела. Она ушла глубоко, и даже я понял, что сердце она нашла.

Тверд опустил лук, сказал мрачно:

– Погань. Чем живут, изгой, а? Своих же продают в рабство. Этот Громобой был когда-то в нашей деревне крепким охотником.

Громобой грузно сидел в траве, неумело зажимая ладонью рану. Кровь струилась между пальцами. Рубашка на груди покраснела и обвисла.

Тверд сказал:

– Прикончи его.

– Ты что? – ответил я. – Оставь. Пойдем отсюда.

– Это же людоловы, – удивился Тверд. – Нет хуже пакости!

– Эти свое уже получили. Пойдем отсюда!

Тверд покачал головой, но пошел за мной. На развилке я остановился, Тверд пошел вперед, зная или угадывая направление. Так мы прошли с полкилометра, как вдруг Тверд хлопнул себя по лбу:

– А мечи забыли! Упырь меня возьми, тебе не помешает в дороге. Жди меня здесь!

Он пропал за деревьями. Двигался он по-охотничьи бесшумно, я не смог бы успеть за ним, если бы даже хотел. Похоже, что не только меч заставил его вернуться, но и карманы победенных разбойников.

Вернулся он довольно скоро. В руке держал меч, в котором я узнал оружие Громобоя. Хороший клинок, удобная рукоять. Драгоценные камни на эфесе. Видимо, драгоценные – у меня их в жизни не было, а витрины ювелирные я не рассматривал.

– Путешествуй с этим, – сказал Тверд. – Пригодится.

– Спасибо, – сказал я. – Только ножен у меня нет, а нести в руке тяжело.

– Приладим, – пообещал он рассеянно. – Только не знаю, где. Души храбрых попадают в дружину Перуна, а куда попадают эти? Еще говорят о переселении душ. Трусливые и подлые, мол, возрождаются в червях, в нечисти. Если проживут хорошо, то могут возродиться людьми. Если же и людьми еще раз проживут достойно, то останется возможность попасть в небесную дружину Перуна..

Я спохватился:

– Ты... ты зарезал их?

Он подтолкнул меня, сказал участливо:

– Если обеты волхва не позволяют проливать кровь, то я таких обетов не давал. Для чего же рождаются мужчины, как не для драк, подвигов, гибели в бою? Позор для мужчины умирать в постели!

У меня в глазах потемнело от боли и унижения. Недосмотрел, теперь четверо убиты. Да, разбойники, но тоже люди! Теперь эти человеческие ростки срублены мечом Тверда. Не хитри, эти жизни отняты твоей рукой, твоим равнодушием, твоей озабоченностью о себе любимом.

– Ты расстроен? – слышался рядом участливый голос Тверда. – Вот уж не кровь воина в тебе. Но что за племя, где даже волхвы умеют так сражаться? Ведь без магии, дрался по-воински, я видел. Или ты был великим воином? У нас старые рубаки уходят иногда в капища. От слабости, видать. Хотя они говорят мудрено, что как раз от великой силы идут. Никогда их не понимал. Но ты еще молод. Что гложет тебя, Юрай?

– Все-таки уходят, – проговорил я блекло. – Все-таки есть люди.

– Разве то люди? – хмыкнул Тверд. – То обломки. Мужчина рождается для войн и славной гибели! Разве не об этом лучшие песни?

– Самые лучшие не об этом, – ответил я коротко. – Но таких песен немного даже у нас.

– А где ваше племя?

Я развел руками:

– Трудно сказать.

Его глаза были острыми:

– Зрю, не врешь. В самом деле трудно. Очень далеко?

– Даже представить не сможешь, – ответил я честно.

Он некоторое время шел молча, двигал бровями, хмыкал. Сказал раздумчиво:

– Видать, где-то за Рипейскими горами. В стране гипербореев, где никто не бывал. Или в краю грифов, песиголовцев, полканов. Говорят, там муравьи размером с моего кобеля носят из нор вместо песка куски золота.

Я молчал, сохраняя дыхание. Мы углублялись в лес, и он становился все дремучее и страшнее.

К вечеру мы вышли к деревне, которую можно было назвать уже селом. Хотя, если память мне не изменяет, тогда еще не знали таких слов, как «деревня» или «село», любое малое поселение называлось весью, а крупное, огороженное частоколом – городищем.

Домов здесь больше, чем в веси Тверда, а главное же – на самом высоком месте виднелось несколько идолов, а в центре поднимался четырехгранный каменный столб. Ближайший к капищу дом выше других, сложен из толстенных бревен. На крыше вращается жестяной петушок, виднеется что-то, напоминающее параболическую антенну.

У дороги в село вросла в землю приземистая сторожка. Завидя нас, оттуда вышел рослый красномордый парень. Он был в расстегнутой до пояса вышитой рубашке, на веревочном поясе болтался тяжелый меч. Меч явно мешал, но парень таскал его гордо, передвинув чуть ли не на живот.

– Кто такие и откель? – крикнул он зычно.

Окно в сторожке распахнулось, оттуда высунулся арбалет. Я сперва удивился, потом вспомнил, что на Руси они издавна, только звались самострелами. Тверд покосился на окно, ответил с достоинством:

– Люди из племени полян.

– Зачем?

– Желательно увидеть тиуна.

Мордастый засмеялся, с интересом оглядел нас. Его глаза остановились на мне:

– Чего захотели? Самого тиуна! А по какому делу?

Тверд нахмурился, сказал громко, чтобы его расслышали и в сторожке:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.